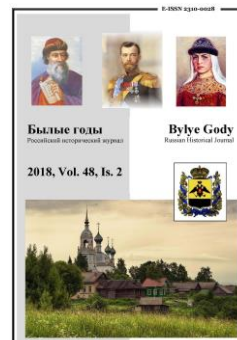

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 48. Is. 2. pp. 776-785. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.2.776
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Russia and China on the Way to the Alliance of Civilizations, the end of the XIX – early XX centuries (on the example of Printed Publications)

Gulnar K. Mukanova^{a,*}

^a Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan

Abstract

In this work, the author, based on materials of periodicals, attempts to restore the process of rapprochement between two civilizations, Russian and Chinese, at the turn of the 19th and 20th centuries. The author studied the pages of the history of the Chinese print media, which were poorly represented in historiography, at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries. For a more complete understanding of China, in the imperial Russia since the 18th century, serious actions have been taken to create new institutions for its time (Beijing Spiritual Mission). The Mission staff collected and summarized information on the languages, writing, traditions of China, and its past. Thematic materials were published after the "discovery" of China by the Western powers and became the intellectual basis for the process of rapprochement of civilizations, when the events of the First World War and the abdication of the tsar in 1917 gave the process a completely different course. The author analyzes synological publications and factual data from the history of Chinese periodicals of the early 20th century, which made it possible to identify the commonality in the evolution of publishing in both the Russian and the Qing empires of the period under study. The works of Russian sinologists spoke directly about the need to study China's culture and the positive prospects for joint development of natural resources, for the benefit of the peoples of Russia and the China.

Keywords: Russia, China, Far East, Beijing Spiritual Mission, Eastern Institute, newspaper, Young Chinese.

1. Введение

На дальневосточных рубежах Российской империи в последние десятилетия XIX века и первом десятилетии XX века силами ученых велась большая исследовательская работа. Цель ее заключалась в изучении и обобщении истории и современных трендов развития смежных государств и обществ. В фокусе научных разработок востоковедов России – они концентрировались в Восточном институте (г. Владивосток) – был Китай, до 1911 года управлявшийся маньчжурской династией Цин. Фундаментом для исследований служили труды сотрудников Пекинской духовной миссии, основанной в XVIII веке российским правительством. Рекомендации ученых доводились до правительственных ведомств, однако события в России февраля, марта, октября 1917 года прервали системную работу по поиску путей меж-цивилизационного альянса. Между тем то был бесценный практический опыт «узнавания» восточного соседа; многие выводы российских ориенталистов подтвердили свою актуальность в XXI веке.

Следует отметить и тот факт, что многие востоковеды-китаисты попали под политические репрессии 30-х годов прошлого века. Таким образом, изучение и реанимация их взглядов необходимы, и наше исследование составит скромную часть большой работы по возрождению весьма серьезного раздела российской и всемирной синологии.

* Corresponding author

E-mail addresses: Gulnar_mukanova@mail.ru (G.K. Mukanova)

2. Материалы и методы

Поскольку целью исследования мы обозначили следующее: систематизировать и выявить основные направления российских синологических изданий в указанный период; определить их жанровое разнообразие: научно-познавательные, информативные, иллюстративные и т.д.; по возможности, выявить эволюцию контента изданий под влиянием внешнеполитических факторов; степень аргументированности; стилевые особенности и т.д. – то, собственно, в объекте и предмете исследования заключается научная новизна работы. Материалами исследования являются дореволюционные труды российских сиологов и современные им китайские средства массовой информации.

Эмпирической базой для анализа стали материалы китайских региональных и выходивших в Японии, Гонконге, Париже газет на китайском языке в пределах указанного хронологического диапазона: “Pekingpao” (официальная газета, Пекин), “Cherapao” (разножанровая, Шанхай), “Tschongvaijepao” («Всеобщая газета»), с 1908 года львиная доля ее акций приобретена была китайским военным лидером и политическим деятелем Юань Шикаем (1859–1916), “Nanfanpao” (независимое издание, публиковавшее критические антиправительственные материалы), “Imparial” (издавалась младо-китайцами, получившими образование в Японии, Шанхай); равно как “Fonguarapao” (спонсировалась японцами, место издания – Пекин), “Fengtien-Koanpao” (Мукден); “Tchoung-Kouokpao” (газета студентов-революционеров, место издания – Гонконг), “Scenourpao” (Гонконг), “Sin-Che-Kiai-Ki” (китайская диаспора, Париж), “Theng-Foarpao” (перевод названия: «Китайский слуга», издавалась в Японии), “The China Review” и др.

Китайские периодические издания, как видим, различались по месту издания (основные центры – крупные города: Пекин, Шанхай, Кантон, не считая заграничные), по контенту и форме собственности. Активизация патриотических настроений, вызванных подписанием Тяньцзинского договора и войной с Японией, пробудила выплеск эмоций и социальных настроений. При этом западные веяния породили гендерные аспекты СМИ: так, в столице Китая выходила “Nupao” («Женская газета») под патронажем сестры принца, Су, пропагандировавшая европейские ценности и задачи народного просвещения. Такие издания, как: “Quouokojepao”, “Yangsingpao” (обе газеты выходили в Кантоне), печатали на своих страницах отрывки из романов французских и английских авторов в оригинале. Существовали как дань времени и рынку чисто коммерческие газеты, размещавшие рекламные объявления (“Sinpao”, “Tsitoi en han sangpao”).

Бытующее мнение, что монархия не жаловала прессу и что газеты в Китае не были рупором общественного мнения, при внимательном рассмотрении уступает место другой позиции, а именно: ситуация с китайскими СМИ складывалась не простая. Внутреннее «пробуждение» Китая имело место в известной степени благодаря национальным СМИ. Имело значение, кто их спонсировал, был их владельцем и в каких отношениях редакции находились с двором. Нередко правители провинций скупали акции регионального СМИ и тем самым пытались удержать контроль над населением.

Отсюда методами, используемыми в ходе исследования, явились анализ и синтез, сопоставительный анализ, метод верификации источников, выдерживается принцип историзма. При изучении текстов востоковедов принимались во внимание и внешнеполитическая ситуация, и цензурные ограничения, и академический статус авторов, и степень владения информацией в условиях работы Пекинской духовной миссии, и другие исторические составляющие исследовательской работы указанного периода.

3. Обсуждение

Со второй половины XIX века прежде закрытая страна, Поднебесная, становится объектом для иностранного капитала, когда зарубежные инвесторы добились ее «открытия». После подписания Тяньцзинского договора с державами для Китая наступила в известной мере эра гласности и активного международного интереса. Вероятно, можно условно обозначить тот период как предтечу современной глобализации. Своего рода всплеск свободы слова в Китае, выразившийся в появлении новых национальных СМИ, фиксировался тогда же в издании Брокгауза и Ефрона (*Жан Род, 1912*).

В историографии вопроса мы сознательно игнорируем тот ее раздел (советский), который навеян был приоритетами «холодной войны», и выделим ряд зарубежных книг, представляющий относительно новый взгляд на историю русско-китайских отношений, в частности на Дальнем Востоке. Из российских китаеведов это труд А. Лукина на английском языке, данный автор известен специалистам; его книга, изложенная с уместной иронией, позволяет отследить меняющуюся динамику русско-китайских отношений и собственно восприятия России в Китае с XVIII века как отражение самовосприятия России (*Lukin, 2013: 201*). Однако Лукин не исследовал обратную сторону процесса, т.е. узнавания Китая россиянами. Интересны изыскания зарубежных коллег в области культурной антропологии дальневосточных держав (Россия, Китай, Япония); из последних книга (*Bestor, Bestor, 2018*) опирается на этнографические исследования с целью противостоять стойким стереотипам об однородности жизни восточных обществ. Оригинальная монография Х. Линтерис (*Lynteris, 2016*) раскрывает этиологию реакции жителей региона на сближение цивилизации (эндемии). Вместе с тем, как нам показалось, книга Линтерис несет на себе негативный оттенок установок «холодной войны». Тот же подход, к сожалению, присутствует в серии монографий

кембриджского проф. Sarah Paine “Imperial Rivals” is a diplomatic history of the contentious relationship between China and Russia that began in the mid-1800s over their long, shared border» (Paine, 1996: 7). Монография Paine вышла в 90-е годы, и в ней присутствуют оценочные суждения, к примеру об «экспансии России в азиатское сердце в течение десятилетий китайского упадка» (Paine, 1996: 447). Другая книга этого автора также не вносит новых нюансов в историю междивизиационных контактов, основных политических акторов на Дальнем Востоке (Paine, 2005).

Более взвешенными суждениями и гораздо меньшей категоричностью отличается работа Theda Skocpol, о которой критики писали: “With clarity and caution, Skocpol laid out a complex comparison of the three great revolutions» (Skocpol, 1979: 425). В своей монографии Т. Стокпол главной причиной социальной революции в Китае 1911 г. указывает не внешнее давление, не марксизм даже, а само Китайское государство, основанное на насилии (Skocpol, 1979: 402). Книги такого рода оставляют читателям шанс самим разобраться в страновых особенностях и гражданских ценностях.

Необходимо шире показывать «человеческое лицо» междивизиационных контактов на базе современных тому периоду источников, т.к. в изданиях, абсолютно новых (Ziegler, 2016), рефреном проскальзывает образ агрессии на Амуре: «The modern history of the river is the story of Russia's push across the Eurasian landmass to China. For China, the Amur is a symbol of national humiliation and Western imperial land seizure; to Russia it is a symbol of national regeneration, its New World dreams and eastern prospects» (Ziegler, 2016: 302). «Оправдать» автора, который явно незнаком с трудами российских ученых XVIII – начала XX вв., дружелюбно обращавшихся к теме Китая, может лишь молодость и то, что он по базовой специальности – журналист, пишущий на экономические темы в редакциях китайских СМИ. Однозначное стремление некоторых авторов XXI века расставить акценты по жестче, наотмашь, не может не удивлять – состоялся ли действительно отказ от классовых подходов, свободны ли исследователи от эмоций и целевых установок?

На фоне приведенных выше трендов историографии безобидными покажутся книги из серии «Морские баталии»: авторы разбирают техническую сторону войн на Дальнем Востоке (Olender, 2009: 5; Forczyk, 2009). “Dr. Robert A. Forczyk has a PhD in International Relations and National Security from the University of Maryland and a strong background in European and Asian military history” (Forczyk, 2009: 4). Польский исследователь, Р. Олендер так представляет другую свою книгу: «This new book covers the Sino-Japan Naval War 1894–1895, a little-known part of late 19th naval history» (Olender, 2014: 5).

Наконец, недавняя книга Elizabeth McGuire (McGuire, 2017) пленяет новизной подхода к теме российско-китайских отношений; автор жила и в России, и в Китае, отсюда – аккуратное обращение с информацией. Как указано в предисловии, “Elizabeth McGuire is Assistant Professor of History at California State University” (McGuire, 2017: 5), автор пишет, что «...историки китайско-советского блока, как правило, сосредоточены на лидерах, политике и идеологии» (McGuire, 2017: 7), тогда как следует обращать внимание на межчеловеческие связи. Такой гуманистический подход вполне в духе служения российских синологов прошлого, что брали за основу максимум: «человек встретит человека» (Гребенщиков, 1912: 63). В отдельный блок можно выделить работы японских и французских ученых, пишущих в том числе о российской миссии в Азии (Poujol et al., 2006; Uyama, 2011).

4. Результаты

Провинции Китая в силу отдаленности друг от друга, в условиях отсутствия сети шоссейных дорог и железнодорожного полотна не были соединены в единую коммуникационную систему. Собственно по этой причине и вследствие различия диалектов печатные издания одних провинций могли не достигать других частей Китая. О диалектах как препонах единения нации писал Болобан: «Острота внутриклассовой расщепленности обостряется еще тем фактом, что средний, южный и северный Китай, исторически заполнявшиеся различными народными волнами, смотрят друг на друга вообще подозрительно и не имеют общего разговорного национального языка. Для объяснений интеллигентным китайцам севера и юга приходится прибегать к одинаковой везде иероглифической грамоте и даже... к английскому языку» (Болобан, 1909: 140).

В таком случае периодическую печать в разных концах Поднебесной начала XX века следует рассматривать как практически единственный источник о внутренней жизни китайского населения. Что до российских ориенталистов, то именно тогда их знания языка, культуры, истории Китая оказались полезны, Поднебесная должна была стать стратегическим партнером России. Дальнейшие исследования российских востоковедов зафиксировали новые тенденции в социально-политической атмосфере Китая: появление политических партий, их лидеров, активизация прессы и т.п.

Полевые наблюдения и своевременная публикация выводов (книги, брошюры) предоставляли пищу для размышлений и принятия государственных решений, рекомендаций. В пользу роста двусторонних сношений склонялись большинство синологов: Китай, по их мнению, невзирая на кажущуюся отсталость, имел шанс стать полигоном для крупных инвестиций (Васильев, 1900: 10). Российский капитал, к примеру, мог быть инвестирован в логистику наземных коммуникаций, выражаясь современной терминологией. О значимости обоюдного с Китаем освоения пространств Дальнего Востока, Западной Сибири и Центральной Азии прямо писали российские ученые.

К примеру, академик В.П. Васильев в начале XX века заметил: «...Нужно, чтобы не одно русское, но и китайское правительство прониклось мыслью необходимости проложения железного пути из России в Китай. Мы твердо убеждены, что рано или поздно путь через киргизские* (*казахские. – Г.М.) степи и Цзюнгарию (*Джунгарию, ныне – северная часть китайской провинции Синьцзян, граничащей с Казахстаном. – Г.М.), – путь, по которому двигались некоторые орды и полчища /варваров/, проходивших с Востока на отдаленный Запад, превратится некогда в великий путь международных сношений» (Васильев, 1900: 30).

Активизация японского военного вектора в Южной Маньчжурии, русско-японская война и последующие события Первой мировой войны еще более всколыхнули интерес в России к Китаю. Царское правительство стимулирует выпуск книг и брошюр, в основу которых взяты реальные сведения, собранные с самого начала деятельности Пекинской духовной миссии, а также современные труды, инициированные профессорами и студентами Восточного института. Тематика изданий разнообразна: конфуцианство (См. Крымский, 1906: 7; Попов, 1910: 6); язык; нравственность; право и т.д. Различаются места издания академической и популярной литературы о Китае: диапазон от гг. Санкт-Петербург, Москва до городов Благовещенск (Кондратьев, 1908), Владивосток (Тищенко, 1905: 3; Полевой, 1913: 8); (Гребенщиков, 1912: 3), Порт-Артур (Русский Китай, 1902: 3), Харбин (Авенариус, 1914: 5; Новое уложение, 1915: 3; Болобан, 1909: 3) и др. Ряд изданий русских востоковедов увидел свет в Пекине (Крымский, 1906: 7).

Издания указанного периода имели цель – пробудить интерес русских читателей к Поднебесной. Так, к книге сотрудника Восточного института С.А. Полевого «Периодическая печать в Китае» приложены были иллюстрации: виды китайских карикатур (Полевой, 1913: 20).

Февральские, мартовские и в особенности октябрьские события 1917 года в центральных городах России повернули вспять колесо истории. Монархия пала, а результаты научных разработок, ценнейший полевой материал наблюдений и погружения в сущность китайской цивилизации, в том числе Восточного института, оказались на время не востребованы. Собственно, ими пользовались, но уже представители иной власти, в целях пресловутой «мировой» революции. И на лозунг этот откликнулись «младокитайцы», те самые, что инициировали национальные печатные медиа, вынашивая надежду примирить императрицу Цыси и ее двор с мыслью о необходимости принять Конституцию и другие инновации.

Исследование обозначенных вопросов выявило общие и особенные черты в истории становления независимой от казны (частной) китайской прессы, которая публиковала мнения оппозиционно настроенной части общества. В действительности аналогичные процессы имели место и в России, в отдаленных ее регионах: к примеру, в Зауралье и Западной Сибири владельцы СМИ нередко подвергались административным наказаниям (штраф или арест) за острые публикации. Цензурный гнет испытали и многие российские периодические издания. Другой интересный аспект темы – баланс локального и глобального в контенте СМИ. Этот момент тем любопытен, что в обозначенный исторический период и Россия, и Китай стояли перед выбором политических (читай – внешнеэкономических) партнеров и стратегию развития. Китайские СМИ, инициированные так называемыми «младокитайцами» (Сунь Ятсен), сыграли, на наш взгляд, существенную роль в сближении с российскими революционно настроенными социал-демократами (большевиками), хотя образование «младокитайцы» получали в основном в Японии и Англии, отсюда их заинтересованность в создании англоязычных газет для китайской аудитории. Парадокс истории: каким образом большевики сумели переубедить китайского лидера Сунь Ятсена и его сподвижников пойти за ними, оставшаяся на откуп политологам. Нас заинтересовали процессы роста национального самосознания и их ненасилиственная реализация, в данном случае – через прессу. Цивилизации, российскую и китайскую, во всяком случае характеризуют весомость Слова, письменности и упование на лидеров: медиа визуализация национальных интересов через СМИ, портреты «вождей», емкие лозунги (ср.: «Долой...!» в России и практику китайских листовок-дацзыбао) однозначно мотивировали обычных граждан, возможно и не овладевших грамотой, но запоминавших лики и звуковой ряд, их сопровождавший. Это, безусловно, необъятная тема – идеологизация и манипуляция массовым сознанием через артефакты, оставим ее психологам и социологам.

Источники по истории двусторонних сношений отражают напряженную атмосферу переговоров, в которой оказывались российские дипломаты в середине XIX века: они практически не могли ступить на территорию Поднебесной. Получение ими какой-либо информации о позиции правительства Китая состояло лишь в знакомстве с официальной прессой. Так, к примеру, «...невозможность поддерживать сношения с иностранными представителями и нашими судами, плавающими у берегов Китая, отсутствие всякого способа получать какие-либо сведения и известия, кроме печатавшихся в «Пекинской газете», наконец формальный отказ китайцев вступить в переговоры о разграничении делало политическое положение Русской миссии в Пекине очень тяжелым» (Русский Китай..., 1902: 15). Из этого фрагмента ясно одно, что официальный Пекин издавал средство массовой информации. О тираже издания сведений не сохранилось, способы ее распространения и тираж также не указаны. Данных о других источниках информации (СМИ) в огромной по численности населения и территории стране россияне на тот момент не имели, что сказывалось на эффективности работы дипломатов. Об этом прямо сообщали сотрудники Пекинской

миссии (Игнатъев): «При всем своем природном корыстолюбии, китайцы отказываются даже продавать в лавках русским покупателям, и мы принуждены делать все покупки через китайских слуг. Ни агентов, ни шпионов мы не имеем и знаем только то, что известно всей публике из газет» (*Русский Китай..., 1902: 16*). Этот отрывок говорит о наличии в Китае читающей публики, косвенно о тираже газет.

По замыслу основателей первых газет пресса должна была отражать состояние общественного мнения. Со временем стало очевидным влияние прессы на формирование сознания читательской аудитории. Оставив в стороне модную ныне тему манипуляции социумом посредством масс-медиа, обратимся к историческому опыту России в части изучения прессы восточных государств в эру инноваций (телеграф, телефон, паровоз, авиация, фото- и кинематограф и др.). Российский печатный станок, если выразиться образно, был задействован на полную мощь: с одной стороны, массовым тиражом выходили официальные издания, обязанные доводить до обывателей позицию двора. С другой стороны, демократизация общества оказывала свое влияние на ослабление хватки цензуры как неотъемлемого социального института монархической формы правления.

Отслеживая тенденции общей демократизации атмосферы в мире, а также в целях выявления внешнеполитических векторов для российского правительства вести мониторинг прессы соседних стран было разумным способом получать ценную информацию о социальных настроениях, в том же Китае. Духовная миссия в Пекине занимала лояльную позицию и довольствовалась официальной прессой (“Pekingrao”). Но в начале XX века китайская молодежь, получившая образование за рубежом («младокитайцы»), возвращаясь на родину, стала выдвигать проекты социального обустройства (конституцию).

Для поиска достоверной информации о ситуации на Дальнем Востоке были задействованы разные каналы. К началу первого десятилетия XX века крупные российские издательства нашли выход в переводных книгах. Так, в 1912 году издательство «Брокгауз–Ефрон» выпустило книгу французского автора Жана Рода «Современный Китай» (*Род, 1912*). Как гласит одна из аннотаций тех лет, «в настоящей книге, написанной Жаном Родом по поручению Географического общества Франции, отражено политическое устройство Китая начала XX в. и его умственная эволюция со времен окончания Русско-японской войны 1904–1905 годов». Автор сравнивает характер европейской и китайской цивилизаций, анализирует специфику китайского народного сознания, его отношение к своему и чужому». Любопытно, что переводчиком книги был М.А. Брагинский (род. 1863) – публицист, народоволец, в совершенстве владевший французским языком (участник якутских событий 1889 года, жил во Франции в эмиграции, 1907–1911). По-видимому, будучи в эмиграции во Франции, он имел доступ к библиотекам, периодике, на основе бесед с французами, посещавшими Китай по службе, смог перевести труд Жана Рода, насыщенный сведениями о Поднебесной (*Род, 1912: 34*). Книга получилась интересной, рассчитанной на разновозрастные вкусы тех, кто интересовался загадочной страной. Своего рода справочник по современному Китаю, издание «Современный Китай» является ныне раритетом.

Современные западные исследования темы в обозначенных хронологических рамках крайне редки; имеющиеся публикации сводятся, как мы отметили выше, к констатации причин советско-китайского альянса в XX веке и охлаждения отношений двух государств периода «холодной» войны, игнорируя не менее интересный опыт отношений раннего периода. К примеру, в своей монографии Джерсильд (*Jersild, 2016*) пишет, что альянс СССР и КНР и, наконец, их раскол влияли на международные отношения в прошлом веке.

В редких ныне российских изданиях синологов рубежа XIX–XX веков, прессе Китая нам также не встретилось системных научных публикаций. Из тех кратких информационных, что публикуют на своем сайте специалисты Государственного музея Востока, к теме СМИ Китая начала XX века можно отнести биографическую справку о публицисте Су Маньшу: «Су Маньшу (蘇曼殊, упр. 苏曼殊, Sū Mànshū, – псевдоним и монашеское имя; имя при рождении – Су Цзянь, второе имя – Су Сюаньин), 1884 г. Иокогама, Япония – 1918 г., Шанхай, Китайская Республика. Китайский писатель и переводчик. На родной язык переводил европейских авторов, преимущественно романтиков, Гюго, Байрона и других. С китайского же переводил на английский традиционную поэзию. Публиковал статьи в оппозиционных газетах, был кумиром революционно настроенной китайской молодежи начала XX века» (*Стручалина, 2011*).

Китайская цивилизация, как и другие восточные, познавалась россиянами благодаря новым книгам и исследованиям. Большинство изданий изучаемого периода создано по результатам наблюдений в непосредственной близости, в городах Владивостоке и Харбине. Русские сотрудники и студенты Восточного института подготовили и выпустили ряд книг о современном им Китае. Эти труды погружали россиян в малоизвестный мир восточных традиций, знакомили с особенностями иероглифического письма, социальной иерархии, национальной одежды и т.п. Сотканые из повседневных наблюдений зарисовки россиян передавали в целом доброжелательный взгляд на соседнее государство. В контексте книг и статей исследуемой категории печатной продукции нами обнаружены упоминания современной авторам прессы Китая.

Анализ контента китайских СМИ рубежа XIX–XX веков показывает, что, помимо официальной «Пекинской газеты», в Поднебесной в первом десятилетии XX столетия возникли десятки новых газет. Их издатели в основном были молодыми китайцами, получившими образование за рубежом. Газеты нового поколения в Китае частично выходили на английском языке, поскольку были предназначены для правительственных чиновников, из числа тех, кто вернулся из-за рубежа.

Выходные данные книг и брошюр российских авторов о Китае, в указанных временных рамках, имеют характерные отличия. Если часть из них имеет допуск цензуры и издана в Санкт-Петербурге и Москве, то другие изданы кустарным способом в российских городах Дальнего Востока. Зачастую это были академические издания (на базе Восточного института во Владивостоке), переплет и формат их отличается от обычного книжного стандарта по размерам и шрифту. Развитие частного предпринимательства в издательском деле России к концу XIX – началу XX вв. расширилось до Восточной Сибири и дальневосточных ее пределов.

Жанровое разнообразие русских книг о Китае широко представлено как официальными изданиями двусторонних договоров, биографиями (*Вдовствующая императрица, 1909*), историческими сюжетами (История Пекинской духовной миссии), этнографией (формы брака в Китае. – См. *Кульчицкий, 1908: 16*), очерками философии (конфуцианство), права (*Новое уложение, 1915: 27*), так и альбомами живописи, в которых красочно изображены китайские печати, цеховые эмблемы, рекламные вывески; путевыми заметками, где также есть рисунки представителей разных народностей Китая; научными сборниками (академические труды профессора Васильева); аналитическими материалами (например, «Китайская благотворительность») и проч. Судя по изложенному выше перечню, интерес к Китаю в России был.

С заключением Тяньцзинского договора с державами состоялось «открытие» Китая после длительной самоизоляции. Всплеск печатных изданий в России о Китае объясним этой политической ситуацией. Развитие двусторонних экономических отношений, базой которых были дальневосточные владения России, способствовало контактам ученых, предпринимателей. Китай посещали россияне, люди искусства, делавшие зарисовки о быте и характерных типах жителей, товарах и т.д.

Открытие Китая и китайцев для россиян состоялось много раньше благодаря трудам сотрудников Пекинской духовной миссии. Вынужденный перерыв сношений, ввиду изоляции Поднебесной, обернулся новым витком коммерческого и интеллектуального интереса. В этот раз китайские медиа были гораздо насыщеннее по контенту. Региональная сетка прессы Китая расширилась, не ограничиваясь, как прежде, Пекином. Это означало, что сложились условия развития СМИ: частный капитал; материальная база издательств; передовая интеллигенция; более свободным стало изъяснение мнения общества: газеты стали рупором социума. Цензура, безусловно, продолжала существовать, однако категоричной, как прежде, она не была. Двор императрицы не справлялся с потоком хлынувшей с «открытием» страны информацией. Сам факт издания газет на английском языке в Китае в указанный период косвенно говорит о внешнем влиянии.

Передовые россияне указывали на перспективы двусторонних русско-китайских отношений. Они видели большие возможности для всей Евразии в техническом прогрессе, изучении природных недр Азии и т.д. Также они обращали внимание на культурные достижения китайской цивилизации (книгопечатание, порох) (*Васильев, 1900: 4*) и призывали больше изучать их. Известный востоковед А.В. Гребенщиков, завершая лекцию в Восточном институте по маньчжурскому языку и письменности в январе 1912 года, произнес: «...Я позволяю себе привести слова шведского лингвиста И. Лунделя, что «научась понимать язык народа, его предания, поговорки, загадки, его ежедневные занятия во время труда и во время покоя, – мы приблизимся к нему и научимся его любить – человек встретит человека» (*Гребенщиков, 1912: 63*). Маньчжуры в тот период, как известно, были правящей элитой Поднебесной, на необходимость исследования их нравов и традиций обращал внимание лектор.

Другой российский ориенталист, академик В.П. Васильев одну из глав книги назвал «Китайский прогресс» (*Васильев, 1900: 139*). Ученый был специалистом в области китайского, санскритского, монгольского, тибетского языков и буддизма. Ему довелось работать в составе Пекинской духовной миссии. В.П. Васильев был хорошо осведомлен о российско-китайской торговле через Кяхту, Капал, Туркестан в целом. Он обращает внимание на то, что китайские власти препятствуют мусульманам из Восточного Туркестана (Кашгарии) исполнить один из пяти канонов ислама, а именно: посетить Мекку. Подданные Поднебесной вследствие изоляции страны от других цивилизаций лишены были возможности покинуть страну, даже на время хаджа (*Васильев, 1900: 5*). Именно академик Васильев указывает на факт свободы обращения к императору через газету: так, один китайский студент составил проект по улучшению социального устройства. Эта заметка была им направлена императору, с повеления Богдыхана проект даже был напечатан в «Пекинской газете»! (*Васильев, 1900: 153*). О том, что печатное слово издавна используется правителями Китая для обращения к подданным, Васильев указывает с первых же страниц издания (*Васильев, 1900: 9*).

Таким образом, на рубеже XIX–XX веков российский печатный станок издавал небывалое ранее количество книг о Китае. География, специфика бытоустройства, этнокультурное разнообразие страны, национальная литература, театр, изобразительное искусство, вооруженные силы, политические партии и многое другое будоражило воображение, вызывало интерес.

При необходимости из этих раритетных российских изданий можно почерпнуть сведения о Китае, в частности о наличии аналогично имевших место в России и Европе социальных процессах реформирования. Впрочем, редакторы даже позволяли себе некоторую иронию: так, в заметке с характерным заголовком «Младокитайцы» газета «Русское слово» от 17(4) декабря 1910 года писала: «На Дальнем Востоке (по телеграфу от наших корреспондентов). Лондон, 3(16) декабря. Из Тиенцзина (Тяньцзиня. – Г.М.) сообщают, что провинциальное собрание вотировало огромным большинством голосов текст петиции престолу в пользу отмены обычая заплетать волосы в косы. Английские наблюдатели усматривают в этом огромный прогресс младокитайского движения и победу либералов» (*Русское слово*, 1910: 3). На внешний фактор влияния (Англия) обращали внимание, в частности, Дурденевский и Лундшвейт, делавшие вывод о «балканизации» Китая, – речь шла об использовании латиницы (английского языка) в прессе Китайской республики в первые годы ее существования (*Дурденевский, Лундшвейт*, 1926: 140). Пресса Китая с разной степенью объективности отражала упомянутые процессы, особенно после завоевания Японией маньчжурской территории и событий 1911 года.

5. Заключение

Альянс цивилизаций, сближение культур происходит не сразу, а постепенно, через осознание важности уважительного отношения к иным ценностям, поиск и обнаружение сходных черт и т.п. Медиареальность, формируемая российскими печатными изданиями рубежа XIX–XX веков о Китае, безусловно, способствовала патриотизму россиян, росту общенациональной гордости за успехи в познании восточной цивилизации.

Китайские новые СМИ начала XX века, со своей стороны, раскрывали для соотечественников самим фактом своего существования многообразие мира, отрицая миф о изоляции как единственной форме сохранения национально-культурной идентичности. Процессы взаимовлияния культур имели место и отчетливо проявились в единовременном бытовании печатных изданий на всем протяжении Евразии, визуализации артефактов посредством медиа.

При изучении российских и китайских изданий конца XIX – начала XX веков небезынтересен процесс формирования медиареальности в контексте глокализации (соединения глобального и локального, всемирного и местного, адаптации внешних процессов к местным особенностям). Специфика ландшафта, климата и этнокультурного многообразия Дальнего Востока, приоритетность конфуцианских идеологем оставались негласным фоном региональных СМИ. Поднебесная, т.е. страна, освященная Небом, выдерживала особый ритм жизнедеятельности. В трудах российских синологов прямо говорилось о необходимости изучения культуры Китая и позитивных перспективах совместного освоения природных ресурсов во благо народов России и Китая, Центральной Азии и Дальнего Востока.

Периодическую печать в разных концах Поднебесной начала XX века следует рассматривать как практически единственный источник о внутренней жизни китайского населения, ведь многие СМИ того этапа отражали проправительственные реформы и мнения передовой национальной интеллигенции. Оба аспекта масс-медиа Китая представляли несомненный интерес для императорской России, т.к. судьбы дальневосточных ее владений и границ прямо зависели от степени устойчивости военно-политической обстановки в Китае, Японии, равно как позиции держав в этой части Азии.

В исследуемый исторический период мультикультурный конгломерат, сплав языков и традиций характерен для Китая, как, впрочем, и сегодня. Разумеется, государствообразующий этнос – хань – априори превалировал в контенте масс-медиа, особенно государственных, имеющих дотации.

Литература

- Авенариус*, 1914 – *Авенариус Г.Г.* Краткий очерк истории Китая в связи с учением Конфуция. Харбин, 1914.
- Богданович*, 1901 – *Богданович Т.* Современный Китай. С-Петербург, 1901.
- Болобан*, 1909 – *Болобан А.Л.* Цицикар. Харбин, 1909.
- Буксгевден*, 1902 – *Буксгевден А.* Русский Китай. Порт-Артур, 1902. Т.1.
- Васильев*, 1900 – *Васильев В.П.* Открытие Китая. Санкт-Петербург: Издание журнала «Вестник Всемирной Истории», 1900.
- Вдовствующая императрица*, 1909 – *Вдовствующая императрица.* Харбин, 1909.
- Георгиевский* – *Георгиевский С.* Важность изучения Китая. С-Петербург, б.г.
- Гребенщиков*, 1912 – *Гребенщиков А.В.* Маньчжуры, их язык и письменность. Владивосток, 1912.
- Дурденевский, Лундшвейт*, 1926 – *Дурденевский В.Н., Лундшвейт Е.Ф.* Конституции Востока. Ленинград: ГосИздат, 1926.
- Китай и китайцы*, 1901 – Китай и китайцы. Москва, 1901.
- Кондратьев*, 1908 – *Кондратьев В.Н.* Современный Китай. Благовещенск, 1908.
- Кравченко*, 1904 – *Кравченко Н. В.* Китай. Санкт-Петербург, 1904.
- Краткая история..*, 1916 – *Краткая история русской православной миссии в Китае.* Пекин, 1916.

- Крымский, 1906 – *Крымский К.* Изложение сущности конфуцианского учения. Пекин, 1906.
 Кульчицкий, 1908 – *Кульчицкий А.* Брак у китайцев. Пекин, 1908.
 Новое уложение, 1915 – Новое временное уложение о наказаниях Китайской республики. Харбин, 1915.
 Полевой, 1913 – *Полевой С.А.* Периодическая печать в Китае. Владивосток. Издание Восточного института, 1913 г. 192 с.
 Попов, 1910 – *Попов П.С.* Изречения Конфуция. Санкт-Петербург, 1910.
 Род, 1912 – *Род, Жан.* Современный Китай. Издание Брокгауз-Ефрон (Перевод с франц.) Санкт-Петербург, 1912.
 Русский Китай, 1902 – Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Порт-Артур: Издание книжного склада «Новый Край», 1902.
 Русское слово, 1910 – Младокитайцы // *Русское слово*, 1910. 17(4). С.7.
 Столповский, 1891 – *Столповский А.* Очерк истории культуры китайского народа. Москва, 1891.
 Стручалина, 2011 – *Стручалина Г.* Китайские литераторы начала XX века // SADPANDA. 26.09.2011. Государственный музей Востока // <http://sadpanda.cn/archives/11030>
 Тишенко, 1905 – *Тишенко П.С.* Китайская благотворительность. Владивосток, 1905.
 Ухтомский, 1901 – *Ухтомский Э.* Из Китайских писем. Санкт-Петербург, 1901.
 Bestor, Bestor, 2018 – *Bestor T.C., Bestor V.* Anthropologies of Japan: Culture, Society, and Nation on a Global Stage. Routledge, 2018. 208 p.
 Forczyk et al., 2009 – *Forczyk R., Gerrard H.* Russian Battleship vs Japanese Battleship: Yellow Sea 1904–1905, Osprey Publishing. 2009. 80 p.
 Jersild, 2016 – *Jersild A.* The Sino-Soviet Alliance: An International History (The New Cold War History), Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2016. 352 p.
 Lynteris, 2016 – *Lynteris C.* Ethnographic Plague: Configuring Disease on the Chinese-Russian Frontier Palgrave Macmillan. 2016. 199 p.
 Lukin, 2003 – *Lukin A.* The Bear Watches the Dragon: Russia's Perceptions of China and the Evolution of Russian-Chinese Relations Since the Eighteenth Century. Routledge, 2003, 440 p.
 McGuire, 2017 – *McGuire E.* Red at Heart: How Chinese Communists Fell in Love with the Russian Revolution. Oxford University Press, 2017. 480 p.
 Olender, 2009 – *Olender P.* Russo-Japanese Naval War 1905, Vol. 1. (Maritime Series) MMPBooks. 2009. 140 p.
 Olender, 2014 – *Olender P.* Sino-Japanese Naval War 1894-1895 (Maritime Series). MMPBooks. 2014. 180 p.
 Paine, 1996 – *Paine S.C.M.* Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier. New York: Routledge. 1996. 448 p.
 Paine, 2005 – *Paine S.C.M.* The Sino-Japanese War of 1894-1895: Perceptions, Power, and Primacy. New York: Cambridge University Press. 2005. 428 p.
 Poujol et al., 2006 – *Poujol C., Uyama T., Suda M.* Kazafusutan (Japanese), Toi"kyoì": Hakusuisha, 2006. 187 p.
 Skocpol, 1979 – *Skocpol T.* States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. New York: Cambridge University Press, 1979. 426 p.
 Uyama, 2011 – *Uyama T.* Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts. NY: Routledge; 2011. 320 p.
 Ziegler, 2016 – *Ziegler D.* Black Dragon River: A Journey Down the Amur River Between Russia and China Paperback – Penguin Books, 2016. 368 p.

References

- Avenarius, 1914 – *Avenarius G.G.* (1914). Kratkij ocherk istorii Kitaja v svjazi s ucheniem Konfutsija. [A short sketch of the history of China in connection with the teachings of Confucius]. Harbin. [in Russian].
 Bogdanovich, 1901 – *Bogdanovich T.* (1901). Sovremennij Kitai. [Modern China]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
 Boloban, 1909 – *Boloban A.L.* (1909). Tsitsikar. Harbin. [in Russian].
 Buksgevdn, 1902 – *Buksgevdn A.* (1902). Russkij Kitai. [Russian China]. Port-Artur. T. 1. [in Russian].
 Vasiljev, 1900 – *Vasiljev V.P.* (1900). Otkritie Kitaja. [The opening of China]. Sankt-Peterburg: Izdanije zhurnala "Vectnik Vsemirnoi istorii". [in Russian].
 Vdovstvujushaja imperatritsa, 1909 – Vdovstvujushaja imperatritsa. [Dowager Empress]. Harbin, 1909. [in Russian].
 Georgievskij – *Georgievskij S.* Vazhost izuchenija Kitaja. [Importance of studying China]. Sankt-Peterburg, b.g. [in Russian].
 Grebenshikov, 1912 – *Grebenshikov A.V.* (1912). Manchzuri, ih jazik I pismennost. [Manchus, their language and script]. Vladivostok. [in Russian].

- Durdenevskij, Lundchuveit, 1926** – *Durdenevskij V.N., Lundchuveit E.F.* (1926). Konstitucii Vostoka. [Constitution of the East]. Leningrad: GosIzdat. [in Russian].
- Kitaj I kitaitsi, 1901** – *Kitaj I kitaitsi.* [China and the Chinese]. Moskva, 1901. [in Russian].
- Kondratjev, 1908** – *Kondratjev V.N.* (1908). Sovremennij Kitai. [Modern China]. Blagoveshensk. [in Russian].
- Kravchenko, 1904** – *Kravchenko N.V.* (1904). V Kitai. [To China!]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- Kratkaja istorija..., 1916** – *Kratkaja istorija ruskoj pravoslavnoi missii v Kitae.* [A Brief History of the Russian Orthodox Mission in China]. Pekin, 1916. [in Russian].
- Krimskij, 1906** – *Krimskij K.* (1906). Izlozhenie suchnosti konfucianskogo uchenija. [Statement of the essence of the Confucian doctrine]. Pekin. [in Russian].
- Kulchitskij, 1908** – *Kulchitskij A.* (1908). Brak u kitaitcev. [Marriage to the Chinese]. Pekin. [in Russian].
- Novoe ulozhenie..., 1915** – *Novoe vremennoe ulozhenie o nakazanijah Kitaiskoj respubliki.* [New provisional punishment code in the Republic of China]. Harbin, 1915. [in Russian].
- Polevoi, 1913** – *Polevoi S.A.* (1913). Periodicheskaja pechat v Kitae. [Periodic printing in China]. Vladivostok. Izdanie Vostochnogo instituta. 192 p. [in Russian].
- Popov, 1910** – *Popov P.S.* (1910). Izrechenia Konfucija. [Sayings of Confucius]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- Rod, 1912** – *Rod, J.* (1912). Sovremennij Kitai. [Modern China]. Izdanie Brokgauz-Efron (Perevod s Franc.) Sankt-Peterburg. [in Russian].
- Russkij Kitai, 1902** – *Russkij Kitai. Oчерki diplomaticheskikh snoshenij Rossii s Kitaem.* [Russian China. Essays on diplomatic relations between Russia and China]. Port-Artur: Izdanie knizhogo sklada "Novii kraj", 1902. [in Russian].
- Russkoe slovo, 1910** – *Mladokitaitsi [Young Chinese]. Russkoe slovo.* 1910. 17(4). p. 7. [in Russian].
- Stolpovskij, 1891** – *Stolpovskij A.* (1891). Oчерk istorii kulturni kitaiskogo naroda. [Essay on the history of Chinese people's culture]. Moskva. [in Russian].
- Struchalina, 2011** – *Struchalina G.* (2011). Kitaiskije literatori nachala XX veka [Chinese writers of the early twentieth century]. *SADPANDA.* 26.09.2011.// <http://sadpanda.cn/archives/11030><http://sadpanda.cn/archives/11030> [in Russian].
- Tichenko, 1905** – *Tichenko P.S.* (1905). Kitajskaja blagotvoritelnost. [Chinese charity]. Vladivostok. [in Russian].
- Uhtomskij, 1901** – *Uhtomskij E.* (1901). Iz Kitaiskih pisem. [From Chinese letters]. Sankt-Peterburg. [in Russian].
- Bestor, Bestor, 2018** – *Bestor T.C., Bestor V.* (2018). Anthropologies of Japan: Culture, Society, and Nation on a Global Stage. Routledge. 208 p.
- Forczyk et al., 2009** – *Forczyk R., Gerrard H.* (2009). Russian Battleship vs Japanese Battleship: Yellow Sea 1904–1905, Osprey Publishing. 80 p.
- Jersild, 2016** – *Jersild A.* (2016). The Sino-Soviet Alliance: An International History (The New Cold War History), Chapel Hill: The University of North Carolina Press. 352 p.
- Lynteris, 2016** – *Lynteris C.* (2016). Ethnographic Plague: Configuring Disease on the Chinese-Russian Frontier Palgrave Macmillan. 199 p.
- Lukin, 2003** – *Lukin A.* (2003). The Bear Watches the Dragon: Russia's Perceptions of China and the Evolution of Russian-Chinese Relations Since the Eighteenth Century. Routledge, 440 p.
- McGuire, 2017** – *McGuire E.* (2017). Red at Heart: How Chinese Communists Fell in Love with the Russian Revolution. Oxford University Press. 480 p.
- Olender, 2009** – *Olender P.* (2009). Russo-Japanese Naval War 1905, Vol. 1. (Maritime Series) MMPBooks. 140 p.
- Olender, 2014** – *Olender P.* (2014). Sino-Japanese Naval War 1894-1895 (Maritime Series). MMPBooks. 180 p.
- Paine, 1996** – *Paine S.C.M.* (1996). Imperial Rivals: China, Russia and Their Disputed Frontier. New York: Routledge. 448 p.
- Paine, 2005** – *Paine S.C.M.* (2005). The Sino-Japanese War of 1894-1895: Perceptions, Power, and Primacy. New York: Cambridge University Press. 428 p.
- Poujol et al., 2006** – *Poujol C., Uyama T., Suda M.* (2006). Kazafusutan (Japanese), Toi"kyoI": Hakusuisha. 187 p.
- Skocpol, 1979** – *Skocpol T.* (1979). States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. New York: Cambridge University Press. 426 p.
- Uyama, 2011** – *Uyama T.* (2011). Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts. NY: Routledge. 320 p.
- Ziegler, 2016** – *Ziegler D.* (2016). Black Dragon River: A Journey Down the Amur River Between Russia and China Paperback – Penguin Books. 368 p.

**Россия и Китай на пути к альянсу цивилизаций,
конец XIX – начало XX вв. (на примере материалов периодических изданий)**

Гюльнар Кайроллиновна Муканова^{а, *}

^а Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан

Аннотация. В данной работе автор на основе материалов периодической печати делает попытку восстановить процесс сближения двух цивилизаций, российской и китайской, на рубеже XIX и XX столетий. Автором исследованы слабо представленные в историографии страницы истории китайских печатных СМИ конца XIX – начала XX веков. Для более полного представления о Китае в императорской России с XVIII века предпринимались серьезные действия по созданию новых для своего времени институтов (Пекинская духовная миссия). Сотрудники Миссии собирали и обобщали сведения о языках, письменности, традициях Китая, его прошлом. Тематические материалы издавались и после «открытия» Китая западными державами и стали интеллектуальной основой процесса сближения цивилизаций, когда события Первой мировой войны и отречение царя, 1917 год придали процессу совершенно иной ход. Автором проведен анализ синологических изданий и фактических данных из китайских периодических изданий начала XX века, что позволило выявить общность в эволюции издательского дела как в Российской, так и Цинской империях изучаемого периода. В трудах российских синологов прямо говорилось о необходимости изучения культуры Китая и позитивных перспективах совместного освоения природных ресурсов во благо народов России и Китая.

Ключевые слова: Россия, Китай, Дальний Восток, Пекинская духовная миссия, Восточный институт, газета, младокитайцы.

---

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: Gulnar_mukanova@mail.ru (Г.К. Муканова)